

Ликорис Ред

A woman in a dark, form-fitting dress is shown in profile, standing against a bright blue background. She is wrapped in numerous thin, golden threads that flow around her body and arms, creating a shimmering, ethereal effect. The threads are illuminated from the side, highlighting their texture and the contours of her dress. The overall mood is dramatic and artistic.

**Нить. История
одной не смерти**

Ликорис Ред

Нить. История одной не смерти

«Автор»

2025

Ред Л.

Нить. История одной не смерти / Л. Ред — «Автор», 2025

Мая, молодая женщина, после несчастного случая оказывается в состоянии между жизнью и смертью. Её душа, отделившись от тела, наблюдает за тем, как близкие переживают её возможную потерю. В этом загадочном мире она встречает призраков, жнецов душ и саму судьбу, которая предлагает ей непростой выбор. Эта история для тех, кто хочет увидеть свою жизнь глазами близких.

© Ред Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ликорис Ред

Нить. История одной не смерти

Пролог

Люди выбирали сложные пути, будто нарочно – словно страдание было их единственным способом почувствовать себя живыми. Я видела их ошибки, как слепые пятна на карте, но молчала. Молчала, пока сама не стала пятном – алым, растекающимся по кафелю.

Я смотрю на собственное тело. Оно лежит неестественно, как сломанная марионетка. Где-то капает вода из крана, а я жду – когда же начнётся паника? Но тишина лишь густеет, как кровь у меня на затылке.

Я была невнимательна: собираясь на работу, не заметила, как с моих волос натекла лужа воды. Кажется, на ней я и подскользнулась. Сейчас это уже не имеет значения. Меня мучают другие вопросы: почему я всё ещё здесь и вижу своё тело? Всё так сложно...

Я перевела взгляд на зеркало. На месте моего лица была лишь противоположная стена. Она показалась мне незнакомой, хотя я видела её вот уже пять лет. Мне стало немного не по себе. Странное чувство – не могу описать его, как, впрочем, и любое другое.

Через полчаса зазвонит телефон – меня не будет на работе. Интересно, кто первый заметит моё тело? Если мне не дозвонятся, вероятно, начальник придет за мной. Я никогда не опаздывала, никогда не забывала о работе, так что они быстро поймут, что происходит что-то странное.

Глава 1

В дверь постучали. Понятное дело, я немогла её открыть, поэтому оставалась на месте и ждала. В дверь ударили ещё пару раз, затем раздались крики:

– Мая? Мая, ты дома?

Я узнала голос начальника. Егор Владимирович всегда хорошо заботился о своих сотрудниках – мы были почти семьёй. Я не удивилась, услышав его.

Телефон зазвонил снова – настойчиво, отчаянно, будто чувствовал, что на другом конце провода уже никто не поднимет трубку. Кирилл. Сегодня он ушёл раньше. Он не мог знать, что я больше не смогу ответить.

Я потянулась к телефону – пальцы сжались в пустоте, проскользнув сквозь корпус, как сквозь утренний туман. Гудки продолжали звонить, назойливые и беспомощные. А потом – тишина.

За дверью раздались шаги, приглушённый голос Егора Владимировича.

Скрип.

Щелчок.

Замок сдался с тихим скрежетом. Дверь распахнулась, впуская полосу света из коридора. Запасной ключ. Под порогом.

Все эти годы он лежал там, неприкосновенный, как последняя ниточка к спасению. И вот теперь – использован.

– Мая...? Ты слышишь меня?

Он прошёл мимо ванной – дверь была открыта, поэтому он сразу увидел меня. Егор Владимирович замер, уставившись на моё тело. Рука его дрогнула – телефон грохнулся на пол, и в тишине этот звук прозвучал оглушительно.

– Егор, что там? Где она?

Я узнала голос мужа, доносящийся из трубки.

Начальник немного пришёл в себя, поднял телефон и сказал лишь коротко:

– Я перезвоню.

Резким шагом он подошёл ко мне и первым делом нащупал пульс.

– Жива! – его голос дрогнул.

Я замерла. Как жива? Что тогда я делаю здесь? Почему он не видит меня?

Пока эти мысли крутились в голове, Егор Владимирович успел позвонить в скорую.

– Девушка без сознания, рана на затылке... Да, всё верно... Хорошо, жду...

Неужели меня спасут? Забуду ли я время, проведённое вне тела?

Он снова кому-то позвонил.

– Лера, отмени ко мне всех... – он сплотнул подступивший к горлу ком. – Мая лежит на полу без сознания... Да, я вызвал скорую... Нет, не приезжай, займись работой.

Почему он не звонит Кириллу? Нет, наверное, могу понять – боится. Страшно сообщать человеку, если дело касается его жены. Егор пять раз набирал номер Кирилла и сбрасывал. В конце концов просто швырнул телефон в стену. Через минуту всё же позвонил.

– Кирилл...? В общем, не волнуйся слишком сильно... Мая лежит в ванной без сознания... Я уже вызвал скорую... Хорошо, жду тебя.

Закончив разговор, он остался сидеть неподвижно рядом со мной. Егор смотрел в одну точку – казалось, он просто задумался, но вдруг по его щеке скатилась слеза.

Я видела такое его состояние впервые. Он правда так сильно переживает за меня? В какой момент люди привязываются друг к другу? Начальник всегда говорил, что мы с ним пережили многое. Я не понимала этого выражения, потому что просто жила свою жизнь.

Когда-то мы были вдвоём – всего два сотрудника в маленьком кабинете. Я работаю уже более семи лет. За это время многое изменилось: появилось больше работников, но со мной он всегда был более открытым. Во всяком случае, мне так казалось. В какой же момент мы стали ближе, чем коллеги?

Я не открывалась людям на работе, мало говорила о себе и своих чувствах. Однако мой начальник каким-то образом смог понять меня. Он просто позволил мне выстроить график так, чтобы было максимально комфортно нам обоим, и не беспокоил лишними вопросами.

Я опустилась рядом с ним на колени. Хотела коснуться его плеча, но не смогла. Сжала кулак. Это немного раздражает. По его щекам текли слёзы, и он всё повторял:

– Пожалуйста... Пожалуйста...

Он вытер лицо рукавом, оставив на щеке грязную полосу.

– Чёрт, – прошептал он, – только не это. Ты же всегда была сильнее меня.

Даже если я отвечу, он не услышит. Я правда так важна? Я казалась себе бесконечно скучным человеком: не пила, не курила, не любила тусовки и шумные компании. Если есть абсолютный интроверт – то это я. Интересно, как долго они будут скучать по мне?

Всех людей можно заменить. Рано или поздно умерших забывают. Вспоминают лишь в особые даты, но продолжают жить своей жизнью. Эту истину я поняла давно: как бы люди ни скучали, они всё равно делают то же, что и раньше. Так что, мертва я или нет – не так уж важно. Те, кто знал меня, продолжают жить как прежде. Или нет?

– Не переживай так, Учитель. Ещё ничего не решено.

Так я называла его, когда мы оставались наедине. Он научил меня всему. Когда-то я пришла в его стартап робкой стажёркой, не умеющей даже правильно составлять отчёты. Он терпеливо объяснял, поправлял, подталкивал вперёд – даже когда я сама в себя не верила.

«Ты способна на большее, Мая» – его любимая фраза за семь лет работы. Все же я тоже привязалась к нему, хотя и не осознавала этого раньше. Видя его слёзы, я вдруг поняла, как важен этот человек для меня. Знаю: если мне понадобится помощь, он всегда поможет и поддержит. Прямо как сейчас.

В тишине раздался звонок телефона. Я вздрогнула.

– Приехали? Я сейчас выйду!

Я осталась ждать в ванной. В квартиру зашли двое мужчин в форме фельдшеров. Один нёс носилки, второй – документы и аптечку.

– Где пострадавшая?

– Здесь.

Егор указал на ванную. Мужчины зашли, осмотрели моё тело, проверили пульс.

– Ей повезло, она ещё дышит. Обычно с такими ранами не выживают. Пульс стабильный, хоть и слабый. Погружаем и везём в больницу.

– Я поеду за вами, – бросил Егор на ходу, звоня моему мужу. – Приехала скорая, сейчас поедет в больницу. Езжай прямо туда.

Пока моё тело грузили на носилки, а начальник разговаривал с Кириллом, я осмотрелась. Даже не успела заправить постель. На столике стояла кружка со вчерашним недопитым чаем. В комнате был полумрак – я не раздвинула шторы, как делала обычно, и от этого царила угнетающая атмосфера.

Сегодня немного проспала, поэтому собиралась впопыхах. Может, это сыграло со мной злую шутку? Что ж, поеду с ними. Остаться здесь бессмысленно.

Глава 2

Приехав в больницу, моё тело повезли в реанимацию. Я же осталась снаружи – хотела увидеть мужа.

Не прошло и часа, как в коридоре появился Кирилл. Он почти бежал, лицо его было взволнованно, глаза красные. Наверное, он плакал. Я переживала за него – знала, в таком состоянии он мог гнать на максимальной скорости. А значит, рисковал попасть в аварию.

Кирилл был очень чувствительным, и я оставалась единственным по-настоящему важным человеком в его жизни. С родителями у него не сложилось: отца он почти не знал до четырнадцати, а мать была так погружена в себя, что забыла о сыне. Он был глубоко травмированным человеком. Хотя и не признавал этого.

Однажды наши отношения дали трещину – мы перестали понимать друг друга. Я боялась говорить ему об этом, думала, он не поймёт. Но ошиблась. Тогда я впервые увидела его слёзы. Он ужасно испугался, что я уйду.

– Ближе тебя у меня никого нет, – прошептал он, сжимая мои руки так, что костяшки побелели. – Я так боюсь тебя потерять... Ты даже не представляешь, насколько.

Он и для меня был таким человеком. Тем, кого я безумно боялась потерять. А сейчас он стоял передо мной в рабочей одежде – на ней были комья земли, кое-где прилипла трава. Он выглядел инородно в этой больничной чистоте, словно плитка, вставленная не тем узором. В его взгляде читались отчаяние и – одновременно – надежда. Руки дрожали. Я попыталась сжать его ладонь, но снова не смогла.

– Как она? Куда её отвезли? – спросил он у Егора, голос срывался.

– В реанимации. Пульс стабильный, прогноз благоприятный.

Ноги Кирилла подкосились, и он рухнул на пол. Слёзы облегчения. Я надеялась, что именно так.

– Мне нужно увидеть её... Я должен убедиться... – слова тонули в рыданиях.

Егор опустил его рядом, обнял его.

– Ну-ну, всё будет хорошо.

Так они и сидели – один рыдал, другой успокаивал. Люди вокруг смотрели на них с сочувствием. Подошла медсестра, принесла воды. Постепенно они пришли в себя. Тишина.

Каждый погрузился в свои мысли. Вокруг кипела работа, неподалёку сидела девочка, уткнувшись в телефон. Казалось бы, идилия – если бы не причина, по которой все здесь оказались. Интересно, о чём они думали? Я бы, наверное, молилась. Люди вспоминают о Боге в трудные моменты – даже атеисты. Но редко благодарят, когда всё хорошо. Наконец вышел врач.

– Вы родственники Степановой Майи Викторовны? Состояние стабильное, но в сознание она не пришла. Сказать, когда это произойдёт, я не могу. Остаётся только ждать.

– Я могу её увидеть? Я её муж! – голос Кирилла снова дрогнул.

– Пока нет. Она под наблюдением. Приходите завтра.

Кирилл опустился на стул – словно решил просидеть здесь до утра.

– Идём, – тихо сказал Егор. – Тебе нужно успокоиться, переодеться... С тебя грязь сыпется.

Но муж не сдвинулся с места. Он выглядел ужасно – бледный, измождённый. Уже пять часов. Время пролетело незаметно. Я решила посмотреть на себя.

Пройдя по коридору, заглядывая в палаты, я наконец нашла своё тело. Голова перевязана, трубка во рту... Жутко видеть себя со стороны. Попыталась прикоснуться. Я как персонаж, проходящий сквозь текстуры в игре. Ни тепла, ни боли. Ничего. Значит, обратной дороги нет.

Я не заметила, как подошла медсестра. Она проверила капельницу, что-то записала, затем вздохнула:

– Такая молодая... Будет жаль, если не выживет.

Странно. Всегда думала, медики учатся не чувствовать. Иначе сойдут с ума. Я вышла в коридор. В соседней палате, на подоконнике, сидела девушка. Она смотрела в окно так спокойно, будто находилась у себя дома. Странная. Но у меня были другие мысли. Кирилл и Егор всё ещё сидели на тех же местах.

– Надо сообщить её родителям... Но как? – прошептал муж.

– Не знаю, – Егор сжал кулаки. – Я еле смог позвонить тебе...

Кирилл достал телефон. Руки тряслись так сильно, что казалось – вот-вот выронит. Наконец он нашёл номер мамы и нажал «вызов». Долгие гудки.

– Мария Павловна, я... – голос оборвался.

Я услышала мамин голос – она всегда говорила громко:

– Кирилл? Что случилось?

– Мая... она... – он сжал телефон до хруста костяшек. – Я не могу...

Егор взял трубку:

– Мария Павловна, это Егор, начальник Маи... Она в коме. Но врачи говорят, стабильно. Сказал быстро – будто нырял в ледяную воду. Я не расслышала её ответ.

– Мы с Кириллом будем ждать.

Он положил трубку.

– Они выезжают.

Я знала. Они приедут. Родители всегда любили нас – даже если не умели показывать это правильно. Особенно запомнился один день.

Мне семь лет, универмаг. За стеклом – кукла в голубом платье, как принцесса из сказки. Я не просила – умоляла. Пальцы вцепились в мамину куртку:

– Можно... её?

– Ты же уже большая, – вздохнула мама, поправляя пакет с подузниками для сестры. – Нам сейчас так тяжело...

Тогда во мне что-то сломалось. Я перестала просить. Перестала хотеть. Стала удобной – тихой, незаметной. Годы спустя я поняла: они не хотели обидеть. Они просто устали. Но той девочке с ладошками, прижатыми к витрине, никто не объяснил, что быть взрослой – не значит перестать мечтать.

Сейчас, глядя на свои призрачные руки, я осознала: даже умирая, всё ещё боялась их разочаровать. Все эти годы во мне жила та семилетняя девочка, которая так и не получила свою куклу...

И так и не осмелилась попросить снова.

Глава 3

В коридоре было шумно. Медперсонал сновал туда-сюда, не замечая родственников пациентов. Они двигались быстро и уверенно – будто знали, что в этих стенах нет места лишним эмоциям.

Я знала, как пахнет больница. Лекарства. Хлорка. Холод, исходящий от стен. Это место пропитано болью. Но вокруг меня была лишь пустота. Что же я такое сейчас?

Зазвонил телефон Егора.

– Слушаю, – его голос звучал устало.

– Я в больнице. Мая в коме... Не знаю, сколько ещё пробуду здесь.

Я узнала голос Леры – нашего администратора. Ещё один человек из моего близкого круга. Наверное, я бы назвала её подругой. Но что такое дружба? Когда два человека находят общие темы и им комфортно вместе? Друзья ведь тоже испытывают любовь, заботу, преданность. Только вот найти друга так же сложно, как и любовь. Люди предают дружбу по глупым причинам: не вернул долг, закрутил роман и забыл, нашёл новых приятелей. И тогда вопрос: а была ли она вообще? Я задавала себе его много раз.

Большинство людей интересовались мной лишь затем, чтобы выговориться. Я умела слушать – и любила чужие истории. Но иногда мне хотелось рассказать и свои. Так и не нашла того, с кем можно поделиться болью.

– Лера тоже приедет. Идём, подышим воздухом, – Егор встал, взглянув на Кирилла.

Муж ещё какое-то время смотрел в пустоту. Я уже подумала, что он проигнорирует слова, но он медленно поднялся и поплёлся к выходу. Я пошла за ними. Остаться у палаты не имело смысла.

Жаркий летний день. Даже не ощущая тепла, я знала – на улице душно. Август. Листья на деревьях уже пожелтели, будто осень наступила раньше срока. Сколько времени прошло? Солнце клонилось к закату.

Леру я заметила издалека. Она из тех солнечных людей, что носят тьму внутри. Человек-спасатель. Она заботилась о других, порой во вред себе. Но её забота – лишь способ доказать себе, что она хорошая. Она этого хотела... и боялась. Я видела её стремления, но не понимала их.

– Какие новости? Что с ней случилось? – её голос дрожал, звучал искренне.

– Нашёл её на полу. Не знаю, сколько она так пролежала, – ответил Егор. Он взял себя в руки, выглядел спокойнее. Но не Кирилл. Он стоял, будто вырезанный из бледного мрамора – даже губы слились с мертвенной белизной кожи. Глаза, обычно живые, теперь казались пустыми – как разбитые окна заброшенного дома. Он сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони, но, похоже, не чувствовал боли. Я так хотела обнять его. Не удержавшись, я коснулась его лица.

– Не пытайся. Он не заметит.

Я вздрогнула.

Та девушка. Та, что сидела на подоконнике. Лет семнадцать, тёмные волосы, больничный халат. Полупрозрачная. Она улыбнулась.

– Живые не видят призраков.

– Ты говоришь, я призрак? Кто ты?

– Я Юлия. Здесь уже так много лет... Видела многих, как ты. Все пытаются докричаться до близких. Ты другая – не истеришь. Поэтому решила поговорить.

– Думаю, я просто в шоке.

– Ты должна что-то понять, чтобы вернуться. Некоторые так и остаются – не могут осознать.

– А ты? Ты тоже пытаешься?

Юля усмехнулась.

– Нет. Мне уже поздно.

Я взглянула на своих. Лера, не сдержавшись, разрыдалась в плечо Егора. Он гладил её по голове:

– Она стабильна. Значит, есть шанс.

Казалось, он успокаивал и себя. Кирилл вздрогнул. Его взгляд стал осмысленнее.

– Ты прав. Она будет в порядке.

Он разжал кулаки, глубоко вдохнул.

– Вам нужно отдохнуть, – Лера отстранилась, смущённая. На щеках – лёгкий румянец. Я видела эти жесты. Даже если другие не замечали – я замечала.

Из больницы вышла медсестра – строгая, собранная, но с тёмными кругами под глазами. На халате – пятно йода, которое так и не отстиралось.

– Опекун Степановой Майи Викторовны? Нужно заполнить бумаги.

Я проводила их взглядом. Юля сидела на лавочке у входа, будто грелась на солнце.

– Как ты сидишь? Я проваливаюсь сквозь скамейку.

– Навык. Представь её поверхность – шероховатость, твёрдость. Не думай, что не можешь.

Я закрыла глаза. Тепло. Дерево под пальцами. Открыла – сижу на земле. Лавочка на уровне плеч. Всегда слишком много думала. Планировала жизнь: когда купить квартиру, родить ребёнка... А теперь даже не знаю, что делать.

– Задумалась? – Юля смотрела на меня с той же мудрой улыбкой.

– Как ты поняла?

– Все так думают. Даже я.

Она провела рукой по щеке.

– Иногда забываю, что не могу плакать. Смешно, да?

– Что же мне делать?

– Не знаю.

– А ты... чувствуешь солнце?

– Да, но не так, как кожей. А ты?

– Нет. Я будто вовсе не здесь. Вижу руки, ноги, но не чувствую.

Юля задумалась.

– Ты так подавляла эмоции, что разучилась ощущать. Вот почему ты спокойна.

– Я знаю. Но не знаю, как это исправить.

Она взглянула на вход.

– Они вышли. Пойдёшь с ними?

– А я могу?

– Да. Главное – не потеряй себя.

Глава 4

Машина качалась на ухабах, но для меня это было лишь визуальным фоном – я не чувствовала ни толчков, ни духоты салона. Лера сидела, сжав в руках телефон, её ногти впивались в ладони, оставляя красные полумесяцы.

– Кирилл, как ты? Я думаю, нам лучше остаться с тобой сегодня. Егор Владимирович, что думаешь? – В тишине её голос прозвучал особенно громко.

Егор лишь кивнул, его пальцы нервно барабанили по рулю. Кирилл не ответил, уставившись в окно, где мелькали огни вечернего города. Остановившись у магазина, Кирилл купил бутылку коньяка. Я мысленно поморщилась.

Алкоголь. Я не любила его вкус и запах, не нравилось состояние людей в опьянении. Мне часто говорили, что я не умею расслабляться. А я просто боялась выглядеть неподобающе. Мой главный страх – показаться глупой, опозориться. Это было лишь в моей голове, но побороть это так и не удалось.

В квартире Кирилл поднял стопку, замер на секунду, будто ждал чего-то. Но в ответ была только тишина. Он резко поставил стакан на стол, и коньяк расплескался по лакированной поверхности.

– Чёрт. Она ненавидит этот запах.

Лера сжала свою стопку так, что пальцы побелели.

– Да ладно, один раз можно... – начала она, но голос дрогнул. Взгляд упал на фотографию на полке – я там смеялась, прищурившись от солнца. Лера резко отпила, скривилась и тут же закашлялась. – Боже, как ты это пьёшь?

– Не знаю. Кажется, я просто хотел... чтобы хоть что-то перестало болеть.

Я протянула руку к его лицу. Как и ожидалось, опять не вышло. Егор молча отодвинул от себя бутылку.

– Хватит. Она и так нас сейчас ненавидит.

– А если она не... – Лера не договорила, закусив губу.

Тишина. Потом Кирилл вдруг резко встал, отчего стул грохнулся на пол.

– Всё. Хватит. Выбросьте эту дрянь.

Он подошёл к кухонному столу и включил чайник.

– Лучше мы выпьем чаю.

Я согласно кивнула – утром им будет только хуже после алкоголя. Лера сжала стакан так, что пальцы побелели. Губы её дрожали, но она не плакала – словно боялась, что если начнёт, то не остановится.

– Знаешь, Мая... всегда такая собранная... не поддавалась эмоциям и мыслила здраво. – Голос её сорвался, будто это признание давило её годами. – И всё понимала без слов. А я...

Она резко подняла глаза на Егора, и в них мелькнуло что-то болезненное.

– Я всегда болтаю лишнее, впадаю в истерики, цепляюсь за людей, как утопающая. А она... словно не принадлежит нашему миру. Она даже не пыталась никого удержать. И все почему-то тянулись к ней. Даже ты.

Последние слова повисли в воздухе, тяжёлые и неловкие. Лера тут же отвела взгляд, будто испугалась собственной откровенности. Егор замер, но промолчал.

– И теперь её нет, – прошептала Лера, крутя в руках стакан. Вздохнув, она отставила его в сторону. – И я не знаю, как без неё... Как мы без неё...

Она не договорила. В комнате стало тихо, лишь тикали часы, отсчитывая секунды. Взглянув на них, я поняла, что уже поздний вечер. Я потеряла ощущение времени.

Такое странное состояние – я ничего не ощущаю, ничего не чувствую. Я просто есть. Моя реакция на всю эту ситуацию странно спокойная. Но мне просто всё равно.

Я взглянула на них. Лера подошла и положила руку на плечо Кирилла, успокаивая. Егор стоял, задумавшись. Они правда переживают обо мне так сильно.

Отложили все свои дела на весь день и просто были рядом. Впервые я почувствовала лёгкое тепло в груди. Я замерла. Положив руку на грудь, попыталась вздохнуть.

Тут я осознала. Всё это время мне не нужно было дыхание. Я не дышу. Меня нет. Что я сейчас?

Меня охватила паника. В груди появился ком, я всё пыталась вдохнуть и не могла. Я попыталась опереться на стол и, пройдя сквозь него, рухнула на пол. Руки сжались на груди так сильно, что я почувствовала боль в пальцах. Это привело меня немного в чувство. Сидя на коленях, я попыталась успокоиться.

– Всё хорошо... хорошо... мне просто пока не нужно дыхание.

Я чувствую... у меня есть чувства. Всё ещё можно исправить. Мир накренился, затем перевернулся с ног на голову. Я не упала – я просто перестала быть. Одна секунда – ещё вижу лица близких, их перекошенные от тревоги губы. Следующая – их нет, а я лечу сквозь слои реальности, как лист, сорванный ветром. "Интересно, – мелькнула мысль, – а если я разобьюсь, будет ли боль?" Но ответа не последовало. Сознание выключилось, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Глава 5

Сквозь пелену тумана я вдруг услышала звук аппаратов. Звуки врезались в сознание, как нож. Голова раскалывалась – странно, ведь я должна была забыть, что такое боль. Мир плыл, как в лихорадке, а потом... резкий толчок. Я снова видела потолок палаты. Но почему пол подо мной? Оказалось, я «стою», а моё тело – всё там же, на кровати. Это было похоже на жёсткий розыгрыш. Мелькнула тень.

– О, ты вернулась? Ну и как тебе ощущения? – Юля наклонила голову набок, её волосы качнулись в сторону. Во взгляде читалось любопытство.

– Честно говоря, отвратно. Что произошло?

– Твоя душа и тело соединились на мгновение. Ты что-то почувствовала?

Я задумалась. Перед потерей сознания я чувствовала сначала тепло, а затем боль и страх. Эти эмоции накрыли меня с головой.

– Да, я почувствовала. – Я помолчала мгновение. – Это было слишком неожиданно для меня.

– Ах, не переживай, это нормально для первого раза.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты поймёшь сама. – Юля поправила прядь волос, улыбнувшись. Она отошла от меня и села на подоконник. Я последовала за ней.

– А почему ты здесь?

– Ну... – Юля положила пальцы на нижнюю губу и немного постучала по ней. – Считаю меня кем-то вроде проводника. Больше знать не нужно.

– Но мне интересно. Ты единственная, с кем я могу поговорить в этом состоянии. Я, может, и люблю быть одна, но ситуация несколько странная. Помогите мне понять.

Тишина повисла между нами, густая, как больничный антисептик. Юля замерла, уставившись в окно, и на мгновение её полупрозрачный профиль слился с отражением облаков в стекле – будто она вот-вот растворится в этом сером дне.

Я последовала её взгляду, ожидая увидеть что-то важное, но там был лишь обычный больничный двор: санитары везли каталки, медсёстры спешили на пересменку, пара курящих врачей что-то оживлённо обсуждали. Обыденность, которая больше не имела ко мне отношения. Я уже решила, что наш разговор окончен, когда её голос раздался снова – тихий, словно шелест больничных занавесок:

– Я была такой же. Только... одинокой.

Её пальцы бессознательно сжали край подоконника, хотя должны были проходить сквозь него.

– Когда моё тело лежало здесь, в палате не было ни цветов, ни фотографий. Только звук аппаратов и тиканье часов. Год. Целый год никто не пришёл. Даже когда отключили аппараты – никто не плакал.

В её глазах мелькнуло что-то, что заставило меня содрогнуться – не горечь, а пустота. Та самая, что бывает в заброшенных домах, где слишком долго никто не жил.

– А что... – я запнулась, боясь спросить, но Юля поняла без слов.

– Обычная история. – Её губы искривились в подобии улыбки. – Отец исчез ещё до моего рождения. Мать ненавидела меня за то, что я напоминала о нём. В десять лет она сказала: «Ты теперь сама по себе». И знаешь что? Она была права.

Юля повернулась ко мне, и впервые я увидела в её глазах не проводника, а испуганную девочку, которую бросили в слишком взрослом мире.

– Ты спросишь, почему помогаю тебе? – Она покачала головой. – Может, потому что у тебя есть то, чего у меня никогда не было. Люди, которые ждут. Которые борются. Её рука

на мгновение коснулась моего плеча – холодное дуновение, от которого по коже побежали мурашки.

– Я могу только показать дорогу. Идти придётся тебе самой.

И прежде чем я успела ответить, она оттолкнулась от подоконника – не исчезла, а растворилась, как последний луч солнца в больничном окне.

Что мне делать?

За окном уже светило солнце. Было раннее утро. Я потеряла сознание на всю ночь. Мне нужно вернуться к ним. Узнать, как они. Что-то потянуло меня. Не звук, не голос – скорее, ощущение, будто невидимая нить зацепилась за грудь и резко дёрнула. Палата поплыла перед глазами, стены растворились в серой дымке, и прежде чем я успела испугаться...

Я стояла на кухне. Тишина. Только тиканье часов на стене, слишком громкое, будто кто-то подкрутил громкость мира. На столе – вчерашние стаканы, чистые, но с едва заметными разводами на стекле. Никто не пил.

Рядом – моя записная книжка с рецептами, раскрытая на странице с блинчиками. Кирилл любил их с малиновым вареньем. Сковорода так и стояла на плите, с каплями застывшего масла. Я не успела даже разогреть её утром. Всего пять минут – и я бы не поскользнулась. Не упала. Не...

Щелчок. Дверь приоткрылась, и на кухню вышла Лера. Глаза красные, волосы сбились в небрежный пучок. Она взглянула на чайник, потрогала его, словно проверяя, настоящий ли он, затем поставила закипать.

– Кирилл выглядел вчера совсем плохо... – прошептала она шедшему за ней Егору. – С ним ведь всё будет в порядке?

Я потянулась к ней – рука прошла сквозь плечо. Я была призраком на собственной кухне. Егор устало сел на стул. Он потер лицо рукой. Не убирая её, он вздохнул.

– Я думаю, да. Всё же Мая жива, только в коме. Ещё не всё потеряно.

Лера молча стояла возле кухонного стола. Она резко сжала кулаки и выдохнула.

– Егор... почему ты так заботаешься о ней? Ты влюблён в неё?

Егор замер. Он убрал руку от лица и медленно поднял взгляд на Леру. Во взгляде читалось удивление с примесью понимания. Что ж, я ждала этого разговора.

– Я люблю её, но не так, как ты подумала. Знаешь, мы работаем вместе уже больше семи лет. Я начинал свой маленький стартап один, и она была моим первым сотрудником. Удивительно, но сейчас нас уже шесть человек.

Он замолчал на мгновение. В тишине я услышала щелчок чайника и звук кипящей воды. Я посмотрела на Леру. Она теребила край рукава, её взгляд блуждал по кухне. Сейчас уже позднее утро, и солнце как раз добралось до окон – в комнате стало ещё светлее.

Егор продолжил:

– Ты знаешь, она так поддерживала меня, когда я развёлся. Тогда мне было очень тяжело. Я... – он вздохнул. – Я очень много пил, забил на все проекты. Она справлялась со всем сама, ещё и меня успевала поддерживать. А ведь у неё муж и обязательства.

Он встал, словно больше не мог усидеть на месте. Походил немного по комнате. Остановился возле стола, уперев в него руки.

– Ну и как я могу ничего не чувствовать к ней? Она мой друг, мой компаньон, мой соратник. Она всегда поддерживала меня. А что я? Я не мог ей помочь. На мои вопросы был лишь один ответ: «Всё нормально». И сейчас, когда она в таком состоянии... разве я могу не переживать?

– Прости... – Её голос дрогнул. Лера наконец отпустила рукав. Её голова опустилась, она смотрела на свои ноги. Я заметила пару блестящих бусинок слёз на её глазах. Она быстро смахнула их рукой.

Подняв голову, она взглянула на Егора. Она уже хотела что-то сказать, но он перебил её:

– Не надо. Сейчас не время. Я не готов услышать твои слова.
Она лишь молча кивнула и, развернувшись, начала делать чай.

Егор никогда не говорил о разводе вслух.

Только сжимал челюсть, когда в офисе кто-то невзначай упоминал его бывшую, и резко менял тему. Видела, как он замирал, случайно наткнувшись на её фото в старых рабочих чатах. Как его пальцы непроизвольно сжимались в кулак, когда коллеги звали его на корпоративы парами.

А теперь – Лера.

Я наблюдала, как он не замечает её взглядов, как нарочно грубовато шутит, когда она подходит слишком близко. Но я-то видела и другое: Как он незаметно подкладывает ей лучший кусок пиццы на ужинах. Как задерживается у её рабочего места на секунду дольше нужного. Тогда я поняла. Он боится. Боится снова ошибиться. Боится, что если впустит кого-то в эту пустую квартиру и разбитое сердце, то не переживёт, когда его снова покинут.

Что ж, может, эта маленькая случайность сведёт их...

Я пошла в комнату к Кириллу.

Темнота казалась густой, почти осязаемой. Я медленно прошла сквозь дверь – точнее, она растворилась передо мной, как дым. Конечно, я же дух. Мне не нужно открывать двери. Воздух стоял спёртый, тяжёлый, пропитанный запахом вчерашнего стресса и невыветренной боли. Всё осталось так, как было утром. Моя сумка на столике, слегка перекошенная, будто её бросили в спешке. Одежда, которую я приготовила на сегодня – синяя блузка и тёмные джинсы – аккуратно разложена на спинке кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.